

Алексин Анатолий Позавчера и послезавтра

Анатолий Георгиевич Алексин
ПОЗАВЧЕРА И ПОСЛЕЗАВТРА

1

- Я хочу, чтобы ты не повторял в жизни моих ошибок! - часто говорит мама.

Но, чтобы не повторять ее ошибок, я должен знать, в чем именно они заключаются. И мама мне регулярно об этом рассказывает.

Об одной маминой ошибке мне известно особенно хорошо.

Я знаю, что мама "погибла для большого искусства". Зато в "малом искусстве" она проявила себя замечательно!

"Малым искусством" я называю самодеятельность. Папа спорит со мной.

- Нет больших ролей и нет маленьких! Так утверждал Станиславский. И ты не можешь к нему не прислушиваться, - сказал как-то папа. - В Москве, рядом с Большим театром, находится Малый. Но он так называется вовсе не потому, что хуже Большого.

- Но ведь мама сама говорит, что погибла для большого искусства, возразил я.

- Она имеет право так говорить, а ты нет. Искусство - это искусство. И талант - это талант!

Папа считает, что почти все люди на свете талантливы.

В той или иной степени... Все, кроме него. Но особенно талантлива мама!

С годами я понял, что в "малом искусстве" можно проявить себя гораздо полнее и ярче, чем в большом.

Ну, например, профессиональные драматические артисты - это артисты и всё. Мама же успела проявить себя и в драматическом кружке, и в хоровом, и даже в литературном.

Иногда, после самодеятельного концерта, мама спрашивает отца, что ему больше всего понравилось. Он пытается спеть, но из этого ничего не выходит, потому что у папы нет слуха. Все песни он исполняет на один и тот же мотив.

У нас дома никогда и ничего не запирают на ключ. Ничего, кроме ящика, в котором папа хранит альбомы. "Мама в ролях" - написано на одной обложке. "Мама поет" - написано на другой. "Мама - в поэзии" - написано на третьей.

Мы довольно часто переезжаем из города в город. Потому что папа строитель, он "наращивает мощности" разных заводов. Мы приезжаем, наращиваем и едем дальше...

Но, прежде чем перебраться на новое место, папа обязательно узнает, есть ли там клуб или Дом культуры. Когда выясняется, что есть, он говорит:

- Можем ехать!..

Переезжать с места на место - нелегкое дело. Но мама делает вид, что это очень приятно.

- Видишь, там есть хоровой коллектив, - сказала она однажды папе. - А я так давно не пою!

- Кто виноват, что я умею делать только то, что я делаю? - словно бы извинился отец.

- Путешествовать гораздо лучше, чем сидеть на одном месте, - сказала мама. - Об этом пишут в стихах и поют в песнях.

И хоть папа прекрасно знал, что мама успокаивает его, он поверил стихам и песням.

Вот уже около трех с половиной лет мы живем в большом городе, где папа наращивает мощности металлургического завода. Прежде чем переехать, он, как всегда, навел справки насчет Дома культуры. Выяснил, что при нем активно работают все кружки, какие только существуют на свете. И что "детская работа" там тоже прекрасно налажена.

- Я не хочу, чтобы ты повторил мою ошибку и приобщился к миру прекрасного слишком поздно, - сказала мне мама. - Пора!.. Что ты предпочитаешь: пение или танцы?

Я выбрал пение.

Через несколько дней после приезда- мама повела меня в Дом культуры строителей. Предварительно мы узнали, что дирижирует хором "замечательный педагог", которого зовут Виктором Макаровичем.

В большой комнате, на дверях которой было написано "Малый зал", мы увидели девочку. Положив на черную-пречерную крышку рояля ноты, она что-то тихонько мурлыкала.

- Где найти руководителя хора? - спросила мама.

Девочка захлопнула ноты, и я прочел на обложке:

"Иоганн Себастьян Бах".

- Они поют Баха! - успела шепнуть мне мама. И спросила: - Где найти Виктора Макаровича? Вы нам не подскажете?

Девочку, которая общалась с Бахом, мама назвала на "вы".

- Он в коридоре, - ответила девочка. - Идемте... Я вас провожу.

Мы вышли в коридор, увешанный фотографиями. На стенах пели, плясали, изображали купцов из пьесы Островского.

Мама оглядывала Дом культуры так, как, наверное, опытный морской волк, повидавший на своем веку много разных кораблей, осматривает новое судно, на котором ему придется поплавать.

Я чувствовал, что мама боролась с собой. Ей не хотелось ничему удивляться, потому что опытные морские волки не удивляются. Но в то же время она хотела заразить меня своей любовью к самодеятельному искусству и потому время от времени "похлопывала" Дом культуры строителей по плечу:

- Интересно... Это они молодцы! Неплохо придумали.

Девочка с Бахом под мышкой завернула за угол. Там была как бы окраина коридора, заканчивавшаяся двумя туалетными комнатами. - - Вон он, сказала девочка. - Прыгает!..

Худощавый, седой человек перепрыгнул через одного мальчишку, пригнувшего спину, и сел на спину второму. Тот поднялся, а человек пригнулся и встал на его место.

- Что это... он делает? - спросила мама.

- Играет в чехарду, - объяснила девочка. И, прижав к себе "Иоганна Себастьяна", ушла.

Мы подошли к невысокому пожилому человеку, через которого в этот момент перепрыгивали. Лицо у него было такое, будто он занимался своим самым любимым делом.

- Простите, пожалуйста. Вы... Виктор Макарович? - неуверенно спросила мама.

Все еще пригнувшись, он взглянул на нее снизу вверх.

- Да, это я. У нас тут... разминка.

- Я понимаю, - сказала мама, будто все знакомые ей дирижеры любили играть в чехарду. - Мой сын хотел бы записаться к вам в хор.

- Прекрасно! - воскликнул Виктор Макарович, точно я был знаменитым певцом и он давно уже ждал моего прихода. Потом, приняв нормальную позу, он спросил: - Как тебя зовут?

- Миша Кутусов...

- Прекрасно! - воскликнул Виктор Макарович. И вдруг как-то смутился, стал заправлять в брюки рубашку, которая вылезла оттуда, когда он прыгал.

Мы с мамой оглянулись и увидели строгую женщину, у которой были очень молодые и красивые волосы. Густые, немного вьющиеся, они были собраны сзади в тяжелый пучок.

Есть лица, которые совсем не напоминают о своем прошлом. А это как .бы все время напоминало.

- Не пора ли нам начинать? - спросила женщина.

И я сразу понял, что она тоже дирижирует - всем хором или одним только Виктором Макаровичем. Точно я в первый момент определить не сумел.

Почувствовав это, Виктор Макарович сообщил:

- Наш аккомпаниатор и дирижер! Маргарита Васильевна...

- Второй дирижер, - пояснила она. Словно хотела сказать: "Не нужно преувеличивать мои звания, потому что не в званиях дело!"

- А вот Миша хочет записаться в , наш хор, - сказал Виктор Макарович.

В отличие от него Маргарита Васильевна не воскликнула, что это прекрасно. Она удивленно спросила:

- Сейчас?! В часы репетиций?

- Но ведь нам же нетрудно его послушать? Остальные пусть еще отдохнут.

- Ну, если вы так считаете...

Маргарита Васильевна повернулась и пошла к Малому залу. Виктор Макарович догнал ее и стал на ходу не то извиняться, не то что-то доказывать. При этом он тайком, у нее за спиной, несколько раз махнул нам: дескать, не отставайте!

Мы вошли в Малый зал.

- Возьми себя в руки, - шепнула мама. И мне показалось, что я потерял голос.

Маргарита Васильевна села за рояль, который блестел, как черное зеркало. В его крышке я увидел свое лицо и лицо Виктора Макаровича. Мама стояла чуть-чуть в стороне, подчеркивая этим, что она меня только сопровождает.

Я подумал, что рояль в таком блестящем порядке, потому что за ним следит Маргарита Васильевна, у которой все было в порядке: и руки, и платье, и волосы.

- Значит, ты у нас - Миша? - сказал Виктор Макарович.

- Миша Кутусов.

- Прекрасно! Почти Кутузов!..

Я и сам не раз думал, что фамилия наша когда-то была "Кутузов", но папа или какой-нибудь его предок (такой же, как он!) из скромности изменил пятую букву.

- Спой что-нибудь, Миша, - предложил Виктор Макарович.

Мама еще дома предупреждала, что я должен буду повторять за руководителем хора разные музыкальные фразы.

Но он попросил меня спеть.

- Он у нас так часто поет! - сообщила мама. Хотя в действительности у нас дома пела только она.

- А что ты любишь петь больше всего? - спросил Виктор Макарович.

- Больше всего? - повторила мама. - Из классики? Или из современного? Он поет и то и другое.

Накануне мы отрепетировали любимую мамину песню "Аист" и песенку мальчиков из "Пиковой дамы".

- Спой что-нибудь из Чайковского, - предложила мне мама таким тоном, словно мне ничего не стоило спеть что-нибудь и из Шуберта, и из Мусоргского, и из Римского-Корсакова. - Ну, вот хотя бы из "Пиковой дамы"! Песенку мальчиков...

Маргарита Васильевна, казалось, только и ждала этой фразы: она сразу ударила по клавишам. Я запел... И тут же остановился.

- Лучше про аиста, - предложил я.

Маргарита Васильевна, не дав мне опомниться, сразу же заиграла. У меняхватило духу на первый куплет.

- Может быть, лучше без аккомпанемента? - точно извиняясь перед Маргаритой Васильевной, предложил дирижер хора.

- Как вам будет угодно, - сказала она.

Я понял, что без аккомпанемента мой голос будет совсем уж беззащитным и одиноким. Со страху я громко, будто конферансье объявил:

- Визе! Детская песенка из оперы "Кармен"!

Эту песенку мы как-то разучивали на уроке пения в школе.

- Правильно! - воскликнул Виктор Макарович. - Оперу "Кармен" написал Жорж Визе. - И, обратившись к Маргарите Васильевне, добавил: - Он любит музыку!

Она негромко хлопнула крышкой рояля, словно поставила точку.

- Мы с вами никогда не обманываем детей, Виктор Макарович. У мальчика нет ни слуха, ни голоса. Ни чувства ритма!

"Весь в отца!" - сказал я себе.

Повернувшись к маме, Маргарита Васильевна повторила:

- Ни голоса и ни слуха! Но от этого не умирают.

Мама взяла меня под руку и гордо выпрямилась.

- Не волнуйтесь, пожалуйста, - поспешил успокоить ее.

Виктор Макарович. - Голос у него, безусловно, есть...

- Голос и слух есть у каждого человека. Кроме, конечно, глухонемых! объяснила Маргарита Васильевна.

Мама опять выпрямилась.

Виктор Макарович остановил ее: кажется, ему не хотелось со мной расставаться.

- А ну-ка, произнеси еще раз: "Визе!" И так далее...

Я произнес.

Виктор Макарович победоносно взглянул на свою помощницу:

- Слыхали?! А вы говорите: "Нет голоса". Нам ведь нужен ведущий программу - мальчик с открытым и приятным лицом!

Мама застегнула мою куртку на все пуговицы.

- Вы согласны, чтобы он стал ведущим? - спросил Виктор Макарович.

- Ведущим? Согласна, - ответила мама.

Сама она на следующий день записалась в литературный кружок, поскольку в тот период сочиняла стихи.

2

По профессии мама бухгалтер. И не простой бухгалтер, а главный! Слово "бухгалтер" маме не нравится, и она называет себя "финансистом".

- Мама - талантливый финансист! - говорит папа.

Очень давно, кажется, до моего появления на свет кто-то сказал о маме: "Финансы поют романсы". Мы переезжали с места на место, и это длинное прозвище загадочным образом следовало за нами. Словно кто-то сообщал о нем по радио или по телефону.

- Ты понимаешь, - объяснил мне отец, - мама талантлива во всем, за что бы она ни бралась. Абсолютно во всем!

Это - одаренная натура. Такие натуры типичны для Руси...

Ну, вспомни хотя бы Шаляпина или Бородина. Один по воскресеньям сочинял музыку, а другой между делом великолепно рисовал. Для них это тоже было как бы самодеятельностью!

Отец говорит тихо. Он считает себя не вправе повышать голос. От этого слова его кажутся очень продуманными и убедительными. Когда человек говорит громко или кричит, я всегда думаю, что он это делает сгоряча, что голос неточно передает его мысли и чувства.

О маминых талантах отец говорит почти шепотом, будто раскрывает какую-то священную тайну.

Мама действительно, как я уже говорил, и своей бухгалтерией руководит, и поет, и сочиняет, стихи... Она умеет чинить телефон и дверной замок, если они ломаются.

Есть у мамы еще одна удивительная особенность. Она помнит имена, отчества и фамилии всех сослуживцев, с которыми когда-либо работала, всех наших дальних и близких родственников. Она помнит все важные даты в жизни этих людей: когда родились, когда поженились... Эти даты записаны у мамы в особом блокнотике, в который она почти никогда не заглядывает.

- Уникальная память! - тихо восхищается папа.

И всех этих людей мама поздравляет с разными торжествами. Перед 1 Мая и Новым годом мама до глубокой ночи просиживает над горой поздравительных открыток. Ей отвечают. Правда, не все... Но и тем, кто не отвечает, мама продолжает писать.

- Не подумай только, что это бухгалтерская дотошность, - объяснил мне отец, - Они

живут в ее сердце... А не просто в памяти. Понимаешь?

У папы есть другая особенность: он любит восторгаться людьми. А в некоторых просто влюбляется.

На строительстве металлургического завода папа влюбился в Лукьянова. Это был заместитель начальника стройки.

- Одаренная натура. Творческая личность! - говорил отец.

У отца тоже есть прозвище: "Тайный советник". Его придумала мама. И только она его так называет.

С отцом и правда часто советуются - главным образом, одаренные личности и творческие натуры.

Лукьянов же советовался то с отцом, то с мамой.

- Ты заметил: он здоровается только с тем, кто ему на этот раз нужен? спросила как-то у отца мама.

Так как я не был нужен Лукьянову никогда, он со мной вообще не здоровался.

- Представь себе масштаб его забот! - тихо воскликнул отец. - Просто нет времени на лишнее слово, на лишнюю фразу.

- Он хоть раз спросил, как ты себя чувствуешь? Лично моим здоровьем он не интересовался ни разу.

- У него нет времени на этикет. Но если бы мы заболели, он бы помог. Не сомневаюсь.

- А почему он не приходит к нам в гости? - спросил я.

Мне было интересно посмотреть на Лукьянова.

- В наш век телефон все чаще заменяет живое человеческое общение, объяснила мне мама.

- Ну, в том, что в сутках всего двадцать четыре часа, Лукьянов не виноват, - возразил отец.

- Нет времени? - задумчиво произнесла мама. - Это правда... На нем держится стройка!

- Ну, почему же? - не согласился отец. - У нас много одаренных людей. Он назвал несколько имен и фамилий. И, обратившись к маме, добавил: - А ты сама? Ни одно правительство не может обойтись без министра финансов!

Мама как будто не услышала последней фразы.

- Лукьянов - голова! - сказала она. - На лету схватывает.

- При этом он советуется, звонит... И всегда смотрит вперед! согласился отец.

Действительно, разговаривая с Лукьяновым, папа и мама то и дело повторяли:

- Вы правы: это - пройденный этап. Надо смотреть в будущее!

Лукьянов даже приснился мне однажды с подозрительной трубой в руках: он разглядывал, что делается... там, впереди.

Я не влюбляюсь в людей так часто, как папа. Но одного человека я любил уже больше трех лет. Это был дирижер нашего хора Виктор Макарович.

Взрослые люди утверждают, что трудно объяснить, за что именно любишь человека. Но я бы, мне кажется, мог объяснить...

Во-первых, он раньше всех заметил, что у меня открытое и приятное лицо. Во-вторых, он умел показывать фокусы, играть не только в чехарду, но вообще во все игры.

И обязательно побеждал!

Директора Дома культуры, которого мы прозвали Дирдомом, он обыгрывал на бильярде. Дирдом очень нервничал и объяснял свои поражения тем, что на нем "вся культура".

"Если бы Лукьянов проиграл Виктору Макаровичу, - подумал я, - он бы, наверное, сказал, что "на нем вся стройка". Неплохо устроились!.."

Я продул Виктору Макаровичу несколько партий в настольный теннис. После чего мне сообщили, что в обыкновенный теннис он играет гораздо лучше, чем в настольный...

Однажды, когда Виктор Макарович обыграл в шахматы девочку из младшей группы нашего хора, я услышал, как Маргарита Васильевна сказала:

- Ну, ей-то вы могли бы и проиграть!

- Зачем унижать ее? - ответил Виктор Макарович. И, испугавшись, что Маргарита Васильевна обидится на него, стал объяснять: - Вы же сами говорите, что детей следует уважать... И нельзя обманывать!

С маленькими участниками нашего хора он любил играть в прятки. И они никогда не могли его отыскать.

- У меня и фамилия-то для игр подходящая: Караваяев! - говорил он. Каравай, каравай! Кого хочешь, выбирай...

Только одну игру Виктор Макарович отверг прямо у меня на глазах. Он не захотел играть в поддавки.

- Это какая-то антиигра! - сказал он. - Победа состоит в поражении... Стремиться к тому, чтобы тебя уничтожили?

Не понимаю.

У него на многое были свои особые взгляды. Вот, например, ему не нравилось слово "конференсье". Слово "ведущий" казалось ему нескромным. И он прозвал меня "объявлялой".

"Объявляла" - так меня все и звали.

- Ты как бы разведчик, - объяснил мне Виктор Макарович. - Ты первый начинаешь общение с залом. Твой голос звучит еще до того, как я взмахну рукой, до того, как зазвучит музыка... Ты должен зарядить людей вниманием, интересом. Это очень ответственно! Ты как бы наша обложка.

А обложка в книге - не последнее дело. Можно даже сказать, первое: с нее все начинается. Надо не просто произносить фамилии композиторов и названия песен, а голосом своим выражать отношение и к сочинителю и к его музыке...

А чтобы иметь свое отношение, ты должен знать!

В общем, я сидел на всех репетициях.

Виктор Макарович репетировал без пиджака. Он то и дело засовывал рубашку в брюки, как тогда, после игры в чехарду.

- Вы - хор! - напоминал он ребятам. - А что является синонимом слова "хор"? Кол-лек-тив! Я так считаю... Маргарита-Васильевна, вы согласны со мной?

Она никогда не отвечала на эти его вопросы. Но он угорно продолжал задавать их.

- Никто не может жить на сцене как бы сам по себе.

И в то же время каждый должен себя ощущать солистом.

В том смысле, что нельзя прятаться за спины впереди стоящих. И за их голоса! В смысле чувства ответственности...

каждый из вас солист! Вы согласны, Маргарита Васильевна?

Она склоняла голову, почти что укладывала ее на подставку для ног, которую, как я узнал, называют "пюпитром". Она беззвучно бродила пальцами по клавишам. Одним словом, всем своим видом показывала, что вопросы его ни к чему.

Особенно он переживал, когда нужно было петь без сопровождения, то есть без аккомпанемента Маргариты Васильевны. Такое пение называется красивым иностранным словом "акапелла". Тут уж он десять раз извинялся:

- Простите, пожалуйста, Маргарита Васильевна... Мы сейчас споем "акапелла". Чтобы вы отдохнули немного.

Простите, пожалуйста...

Мне казалось, что он побаивается ее. "Не может же он ее до такой степени уважать?! - думал я. - Побавивается, наверное... Есть за что! Ведь это она обнаружила, что у меня нет ни слуха, ни голоса. Ни чувства ритма!"

Маргарита Васильевна называла нас по фамилиям.

А Виктор Макарович - по именам, хотя это было рискованно: одних только Сережей в хоре было пять или шесть. Виктор Макарович поворачивал голову в сторону того, к кому обращался. Но мне казалось, что и без этого один Сережа отличил бы себя от другого: к

каждому из нас Виктор Макарович относился как-то по-особому.

Например, кроме меня, в хоре было еще два Миши. Но Мишенькой он называл только меня. Не знаю почему... Может быть, потому, что только один я во всем хоре не пел и он хотел своей нежностью как-то сгладить этот мой недостаток.

И отчитывал он меня только наедине.

- Ты исходи не из звучания фамилий, а из характера произведений. Ведь если тебя послушать, получится, что самый прекрасный композитор на земле Орlando Лассс. Он сочинил очень колоритную песню "Эхо". Не спорю... Но ты объявляешь его прямо-таки с упоением. А почему? Потому что красиво звучит: Ор-лан-до Ла-с-со! А фамилию сДородин" произносишь так, между прочим. Почему? Может быть, потому, что у нас в хоре поет Люда Бородина? Стало быть, никакой экзотики? Это, если... не заглядывать вглубь. Запомни: имя творца создают его произведения. Вы согласны, Маргарита Васильевна? Прости... Ее же здесь нет. Запомни...

твои интонации должны незаметно, как бы исподволь давать характеристику произведения. Этаким полунамеком...

Нельзя же абсолютно одинаково объявлять фугу Баха, и прелюдию Генделя, и "Песнь о лесах" Шостаковича, и "Мелодию" Рубинштейна. Но чтобы чувствовать, чем они отличаются друг от друга, ты должен знать!

И я продолжал сидеть на всех репетициях.

Мама считала, что, хоть я и не пою, но присутствие на репетициях меня "музыкально развивает". Она была права.

Кроме "Орlando Лассо", "пюпитр" и "акапелла", я узнал много других очень красивых слов. Ну, например, "сольфеджио". Оказалось, что это название урока, на котором все ребята поют по нотам. Я даже подумал, что не мешало бы и школьные уроки называть такими же красивыми именами:

приятней было бы ходить в школу!

У нас в шкафу, на самом почетном месте, висит мамино "концертное" платье. В нем мама выходит на сцену, чтобы читать стихи или петь. Платье время от времени перешивается, потому что оно должно, как говорит мама, "шагать в ногу с модой".

"Шагающее платье"... Это образ, созданный мамой. На стройках, где мама с папой работали, были шагающие экскаваторы. А в шкафу висело "шагающее платье". Будни и праздники...

- Символично! - однажды тихо воскликнул папа.

Теперь рядом с концертным платьем, как бы рука об руку с ним, в шкафу висела и моя концертная форма: синие брюки и голубая куртка с золотой лирой на боковом кармане.

Вообще все в моей жизни стало более праздничным!

Соседи, встречая меня, спрашивали, когда будет следующий концерт. Наиболее интеллигентные учителя, вызывая к доске, узнавали, не устал ли я накануне от репетиций. Если я не знал урока, то говорил, что устал. И меня отпускали на место... А после выступлений нашего хора по телевидению мне просто не давали прохода. Самые красивые девочки в школе, увидев меня, начинали ни с того ни с сего хохотать.

Это было приятно.

Все три с лишним года меня сопровождали аплодисменты и ослепляли прожектора! И хотя Виктор Макарович предупреждал: "Это аплодируют Шостаковичу и лишь на пять процентов нам с вами!", мне вполне хватало и этих пяти процентов.

После репетиций и после концертов я все время вертелся неподалеку от Виктора Макаровича, чтобы он заметил меня и спросил:

- Что, Мишенька, пойдём домой вместе?

Его никто не провожал в Дом культуры и никто не встречал. Он жил один. На той же улице, что и мы.

Я думаю, у него просто не хватило времени завести свою семью и своих детей, потому что утром он репетировал с младшей группой хора, днем со средней, а вечером - со старшей.

Или наоборот... Так было всю жизнь. Значит, из-за нас, из-за наших песен он жил на свете один.

По Малому залу Виктор Макарович носился бодро и молодо. Когда же мы возвращались домой, он слегка прихрамывал, часто останавливался и просил меня не торопиться.

А говорил он все время о будущих программах и о том, что Маргарита Васильевна всех нас очень любит, но из педагогических целей не хочет этого проявлять. И о том, что я, выходя на сцену, не должен делать вид, будто преподношу залу какой-то подарок. Это уж по ходу концерта должно выясниться: преподнесли мы подарок или нет.

Он тоже, как и Лукьянов, все время смотрел вперед...

В последнее время там, впереди, замаячили два отчетных концерта - один для юных граждан нашего города, а другой для взрослых.

Думая об этих концертах, Виктор Макарович так волновался, что даже на улице заправлял рубашку в штаны.

3

Мама и папа не признают политики невмешательства.

Поэтому, если мама задерживается на работе, папа сходит с ума:

- Наверно, она опять вступила в борьбу с хулиганами!

Стараясь успокоить отца, я вспоминаю, что у мамы в этот день занятия литературного кружка, которых на самом-то деле нет.

А если отец задерживается, мама восклицает:

- Он опять помогает какому-нибудь новоявленному Эдисону!

Когда папа наконец возвращается домой, мама говорит примерно так:

- Нельзя столько времени уделять чужим дарованиям.

Собственное увянет!

- Не может увянуть то, чего нет, - отвечает отец.

- Помогать другим - это тоже талант! - возражает мама. - Но не самый рентабельный для семьи.

Мама часто употребляет привычные для нее бухгалтерские словечки.

- А сама-то ты разве не вмешиваешься, когда нужна помощь? Причем в гораздо более рискованных ситуациях.

Хотя ты, женщина, могла бы пройти мимо...

- Чему ты учишь меня?! - возмущается мама.

Они часто уговаривают друг друга "не вмешиваться". Во время таких разговоров то и дело звучат фразы: "А ты сам?"

А ты сама?! Ты бы не уважал меня, если бы... Ты бы не уважала меня..."

И оба продолжают бороться с "политикой невмешательства".

Иногда по вечерам у нас во дворе раздавались звуки музыки. Это играл Володька по прозвищу Мандолина. Он жил в соседнем подъезде. Отец и мама сразу же оказывались у окна: она - потому что обожала самодеятельность, а он - потому что не мог пройти мимо чужих дарований.

- Будущий виртуоз! - сказала однажды мама.

- Почему будущий? - возразил отец.

Но многие жильцы встречали Володькину игру без восхищения. Особенно потому, что вокруг Мандолины всегда собиралась толпа.

- Концентрируется шпана! - услышали мы с папой однажды.

- Почему, если много ребят, собирается в школе,; то это - класс или отряд, а если во дворе, то это шпана? - спросил папа. И пожал плечами: До чего изменяет память!

Детство свое и то забывают.

Возмущавшийся сосед очень любил обращаться за помощью к газетам.

- Всюду пишут о праве человека на тишину!

- Ну, если для вас музыка и шум - это одно и то же...

- Он уже мать свою уложил в больницу, этот ваш музыкант!

- Как он мог уложить?

- Вы сначала узнайте, а потом уже заступайтесь!

Кивнув в сторону Мандолины, отец сказал мне:

- Надо бы переместить его на другую сценическую площадку! Но при чем тут больница? Не понимаю.

Через несколько дней я опять возвращался из Дома культуры вместе с Виктором Макаровичем. И рассказал ему про Мандолину.

- Цо мнению папы, гибнет талант, - сказал я.

Виктор Макарович ничего не откладывал в долгий ящик.

- Надо послушать. Приведи его завтра. Если это хорошо, определим его в струнный оркестр.

- Он не пойдет... Я уже предлагал.

- Отказался? Почему?!

- Не знаю... Он вообще парень неразговорчивый.

- Неразговорчивый? Это прекрасное качество. А где он живет?

- Рядом с нами. В соседнем подъезде.

- Ну, если Магомет не идет к горе...

Мандолины не было дома. Но если бы даже он был, все равно в первый момент его бы никто не заметил. Потому что в коридоре разыгралась сцена, которую невозможно было предвидеть.

Абсолютно лысый человек, у которого из-за отсутствия волос щеки, и подбородок, и лоб, и затылок - все сливалось во что-то одинаково круглое, голое и доброе, открыв нам дверь, нервно поправил очки и воскликнул:

- Виктор Макарович?!

А Виктор Макарович поспешно заправил рубашку в штаны и воскликнул:

- Неужели... Димуля?!

Войдя в комнату, Димуля сразу стал что-то смахивать со стола, что-то накрывать, что-то прятать... Но Виктор Макарович не обращал на беспорядок никакого внимания. Он подбежал к стене и впился глазами в фотографию, которая висела на ней.

- Это я! - сказал Виктор Макарович. И указал пальцем на спину, изображенную на переднем плане. В углу фотографии стояла дата... И хоть прошло, как я быстро высчитал, тридцать лет, спина у Виктора Макаровича была такая же, как и теперь: подвижная, вся устремленная вперед, навстречу хору, который на фотографии пел.

- А это - Дима и Римма! - сказал Виктор Макарович.

И ткнул пальцем в солистов, стоявших с раскрытыми ртами впереди хора. В одном из них я сразу узнал Димулю.

Черный вихор не делал его лицо менее беззащитным и добрым.

- Дима и Римма... Римма и Дима! - мечтательно произнес Виктор Макарович. - Имена рифмовались... И пели дуэтом!

- Она в больнице, - растерянно и грустно сказал Димуля. - Вот у нас с Володькой тут и творится...

Он продолжал что-то запихивать в ящик, что-то прятать под скатерть.

Виктор Макарович резко повернулся и уставился на Димулю:

- Вы что... поженились?

- Семнадцать лет назад.

- И мне об этом не сообщили? И не зашли ни единого раза?! А ведь были любимчиками! Маргарита Васильевна обвиняла меня в предвзятости: "Нельзя отделять детей от детей! "

- Поэтому мы и стеснялись, - растерянно объяснил Димуля. - Вы же предсказывали нам музыкальное будущее.

А мы ничего этого... не оправдали. Я вообще с десятилеткой остался. А Римма кончила

техникум. К тому же торговый...

Сейчас Римма в больнице.

- Разве я вас за голоса ваши любил? - задумчиво произнес Виктор Макарович. - Дима и Римма... Значит, навсегда срифмовались? Сохранили дуэт! Я очень рад.

Он вдруг восторженно:

- Ты сказал, Римма в больнице? А что такое?

- Сердце у нее... Всю жизнь сердце.

- Да, да... Я помню. Она болела ангинами. Я все боялся за ее голос!

- Рожать ей нельзя было. А она родила.

- Мандолину? - неожиданно спросил я.

Виктор Макарович взглянул на меня с изумлением.

- Это прозвище нашего сына, - объяснил Димуля. И успокоил меня: Ничего, ничего...

Ты его знаешь?

- Его знает весь дом, - сказал я.

- Но не весь дом его любит...

Димуля огорченно развел руками.

- Кто-то сказал: "Человек, который всем нравится, вызывает у меня подозрение!" - успокоил его Виктор Макарович.

- По-моему, неплохой мальчик... Как ты считаешь? - обратился ко мне Димуля.

- Будущий виртуоз! - уверенно сказал я.

- И до сих пор мы с ним незнакомы?! - Виктор Макарович с укором взглянул на Диму и Римму, которые на фотографии пели под его управлением. - Забыли меня. Совсем, значит, забыли...

Димулины руки прижались к груди.

- Мы?! - Он обхватил руками свою круглую голову. - Римма все время приводит вас в пример. И сыну и мне. А я привожу вас в пример ей и сыну.

- Представляю, как ваш сын меня ненавидит!

- Вас?! Да мы воспитываем его "по Виктору Макаровичу". Так Римма неХавно сказала.

- И какой результат?

- Учится плохо.

- Вот те на!

- А в остальном я доволен. Добрый... Играет на мандолине. Мы его с младенчества музыке обучаем. Сами, домашними средствами... Ведь вы нам внушили, что музыка - радость, а иногда и спасение.

Виктор Макарович снова обратился к фотографии, висевшей на стене:

- Но почему же не привели его?

- Стыдились... В дневнике - тройка на тройке. С математикой очень не ладит.

- Я с ней тоже не ладил, - сказал Виктор Макарович.

- И я с ней не лажу! - с гордостью сообщил я.

- Ты, оказывается, нас слушаешь? - спохватился Виктор Макарович. Музыкант - это призвание. Он может, в конце концов, позволить себе... А "объявляла" должен успевать по всем дисциплинам.

- Мы ведь знаем, что с тройками в Дом культуры не полагается... грустно сказал Димуля. - Всегда говорят: "Сначала - отметки, а потом уж кружки!"

- Может быть и наоборот... Не при Мишеньке будь сказано! - возразил Виктор Макарович.

- Мы сходили к директору Дома. Так, для очистки совести...

- К Дирдому? - воскликнул я.

- У него такое прозвище? - почему-то обрадовался Димуля. - Он нам решительно отказал.

- На каком основании? - спросил Виктор Макарович.

- Мы, говорит, должны думать о репутации Дома культуры. О его лице!

- Тут бы вы ко мне и зашли!
- Постыдились мы... Подошли к Малому залу, в щелочку поглядели. Всё, как прежде...
И Маргарита Васильевна за роялем. Римма заплакала - и пошли домой.

- Как же так? Как же так! - допытывался Виктор Макарович у фотографии на стене.

- А через три дня Римма в больницу слегла. И это тоже на Володьку списали.

- Кто списал?

- Так получилось... Он двойку за контрольную по алгебре получил. Ну, Римма покричала на него. Как полагается...

А слышимость у нас в доме прекрасная! Сосед один за стеной живет...

- Знаю его, - вставил я.

- Он на следующий день утром сказал: "Таких, как ваш сын, в газетах трудными детьми называют". А вечером с Риммой приступ случился... Не из-за Володьки, конечно.

Но приписали ему! Он с сумками по двору идет, а ему вслед:

"Сперва уложил, а теперь беспокоится!" Если что-нибудь случается, говорят: "Из компании Мандолины!" Разве он может отвечать за всех... которые вокруг него собираются?

Как-то обидно...

Когда мы вышли на улицу, Виктор Макарович попросил меня проводить его.

Но разговаривал он по дороге с самим собой. Часто останавливался, тер икры ног. Даже присаживался на скамейки.

И продолжал рассуждать:

- Удивительно! Постыдились... Будто я их в певцы готовил. Люди хорошие получились - и замечательно! Получились хорошие люди?

- Получились, - ответил я.

Но он задал, вопрос самому себе и на мой ответ не обратил никакого внимания.

- Человек с тройками не должен петь! Надо же до такого додуматься... Не справился с алгеброй - бросай мандолину. Где тут логика?

- Нету логики, - тихо ответил я.

- И почему все думают, что я готовлю певцов? Гриша Дубовцев стал начальником конструкторского бюро, заслуженным деятелем науки. А сообщает об этом так, будто извиняется, что стал заслуженным деятелем, а не заслуженным артистом республики. Хотя один из моих учеников все-таки и в заслуженные артисты пробился... Горжусь!

Вдруг Виктор Макарович остановился и воскликнул:

- Прекрасно, Мишенька! Я знаю, что надо делать.

- Что? - спросил я.

- Мы выпустим Володю в наших отчетных концертах.

Пусть это будет сюрпризом!

- Для Дирдома?

- И для него тоже! Представь себе... "Дунайские волны"! Или, допустим, гурилевский "Колокольчик"... Исполняют мандолина и хор... Великолепно! Ведь тембр мандолины, Мишенька, близок к детскому голосу. Особенно в среднем регистре. Та-ак... - Виктор Макарович ничего не откладывал в долгий ящик. - Вернемся обратно! И сообщим...

- Я могу сам пойти.

- Нет, я должен сделать официальное приглашение!

Мы побежали обратно.

4

Трудно было определить, кто готовится к отчетным концертам, - я или мама.

Мама вслух произносила фамилии композиторов и названия песен, стараясь подсказать мне, как они должны прозвучать со сцены.

Она заставляла меня по вечерам пить валерьянку, чтобы я хорошо спал и вообще привел в порядок свою нервную систему.

- Ни один годовой бухгалтерский отчет не стоил мне такого напряжения, как отчеты вашего хора! - говорила мама. И тоже пила валерьянку.

О предстоящих концертах мама регулярно напоминала всем нашим знакомым. И если оказывалось, что кто-то болен или уезжает в командировку, она очень расстраивалась.

Возле телефона лежал разделенный надвое красной чертой лист бумаги. В одной графе значилось - "Дети", в другой - "Взрослые". Мама записывала имена всех, кого следовало пригласить на утренник и на вечерний концерт.

- Подведем баланс! - заявляла она. - Практически я включила всех!

А через минуту она бежала дополнять список новыми именами. Из-за этого маме приходилось то и дело обращаться к администратору Дома культуры, который распределял пригласительные билеты.

Собираясь наполовину заполнить зал своими знакомыми, мама тем не менее предупреждала:

- Не повторяй моих ошибок: не смотри в нашу сторону.

И вообще не вспоминай о том, что мы тебя слушаем. Сразу же возникнут натянутость и неестественность. А это практически все сводит на нет! Поверь моему опыту...

Мама часто перенимает у людей, которые ей нравятся, их любимые словечки и выражения. "Практически" - это было слово Лукьянова. Еще он любил говорить - "пройденный этап" и короткое слово "дело".

Я никогда не видел Лукьянова, но мне казалось, что я узнал бы его, даже встретив, где-то на улице. Особенно, если б это было поблизости от управления строительства, где Лукьянов работал. Я бы сразу понял, что это он: высокий, стремительный, никогда не оглядывающийся назад. И его манера говорить, его любимые выражения тоже были мне хорошо известны, потому что у мамы есть еще одна интересная особенность: разговаривая, она иногда повторяет последние фразы своего собеседника. Ну, например, обсуждая с Лукьяновым по телефону разные финансовые вопросы, она задумчиво повторяла его последние мысли: "Значит, вы считаете, что это практически пройденный этап?", "Для пользы дела мы должны считать это пройденным этапом?"

Вы так считаете?.."

Повторяя за собеседником его последние слова, мама как бы обдумывает, верны они или нет, может ли она согласиться или должна возразить. С Лукьяновым мама порою вступала в решительный спор. И чем больше горячилась, тем чаще употребляла его словечки:

- Практически вы не правы! Если думать о пользе дела, мы должны...

Споры иногда заканчивались и маминой победой. Но она не ликовала по этому поводу: она уважала Лукьянова.

- Ну что ты волнуешься? - сказал я маме в день первого отчетного концерта, на который были приглашены дети. - Ведь я всего-навсего объявляю...

- Всего-навсего объявляешь? - повторила мама. - Нет уж! На этих концертах ты должен доказать всем и самому себе, что ты вовсе не "объявляла", что ты - артист!

Наверно, из-за того, что я должен был это доказать, мама и испытывала такое большое нервное напряжение.

- Особое внимание обрати на пересказ содержания песен, которые вы исполняете на иностранных языках - предупредила мама. - Мы должны почувствовать, что с твоей помощью путешествуем по земному шару...

Путешествовать наша семья привыкла!

А папа волновался за Мандолину:

- Если будет провал...

- Виктор Макарович тоже за него беспокоится, - сказал я. - Вы садитесь, пожалуйста, рядом с Димулей!

- Ты бы узнал все-таки его имя и отчество. Нам с мамой не очень удобно... Ведь мы с ним не пели в хоре!

Чтобы Володька не долго мучился, Виктор Макарович выпустил его в начале программы. "Дунайские волны" были нашим четвертым номером.

Я громко назвал Володьку "Владимиром" и "солистом".

Он вышел, сел, склонился над своей мандолиной, как над ребенком... И словно бы стал баюкать ее.

Как только я вернулся за кулисы, на меня налетел Дирдом. Каким образом он успел за две или три минуты добраться из ложи до меня - до сих пор понять не могу. Вид у Дирдома был такой, будто он только что выпил стакан рыбьего жира.

- Ему... - он указал на Виктора Макаровича, который, казалось, плыл в этот момент по Дунаю. - Ему я не могу сейчас высказать... Но у тебя же в руках программа, которая утверждена! Где тут "Дунайские волны"? Покажи мне...

- Это идет сверх программы, - объяснил я.

- А кто это "сверх" утвердил?

- Мандолина - одаренная личность! - сказал я. - Послушайте, как он играет...

- Есть правила приема в хор! Есть утвержденный порядок! Я объяснил это его родителям. А они, значит, с черного хода?

У Дирдома была манера долго втолковывать людям то, что они уже давно поняли. Он продолжал объяснять мне, что правила на свете для всех одни, что не может быть исключений... Проверил, не вписано ли в программу еще что-нибудь такое, чего он не слышал.

- У нас во дворе... - начал я.

- Здесь не двор! - вскрикнул Дирдом.

И тут "Дунайские волны" кончились. Как Володька играл, я так, к сожалению, и не услышал. Но важней для меня было другое...

- Послушайте! - снова воскликнул я.

Я знал, что ребята из нашей школы сейчас будут кричать "бис!" и скандировать. Об этом мы твердо договорились.

Они начали кричать... И даже слишком громко. Некоторые стучали ногами, о чем уговора не было.

- Триумф! - сказал я.

Но Дирдом испарился. Он не хотел быть свидетелем нашей победы.

Володька заиграл снова... На "бис" - в первом отделении исполнялись только "Дунайские волны". А Виктору Макаровичу Дирдом ничего не сказал о Мандолине. Ни слова...

"Значит, мы действительно победили!.." - ликовал я.

Но главным в тот день было не это...

5

Главным было то, что я услышал от Виктора Макаровича, когда мы возвращались домой.

Он очень устал. Останавливался чаще, чем всегда, и дольше, чем всегда, растирал икры ног.

Мы шли и молчали... Потому что все восторги по поводу концерта я успел высказать ему еще в Доме культуры.

Когда мы уже подходили к дому Виктора Макаровича, он вдруг печально сказал:

- Я счастлив.

- Да! Мы сегодня рванули!..

- Не в этом дело. Я слышал, как Димуля звонил в больницу жене. Ее не позвали. Тогда он попросил сестру передать, что Володю вызывали на "бис". Я счастлив... - Юн помолчал. И добавил: - Но как этот Мандолина похож на Димулю! Когда он первый раз пришел на репетицию, мне показалось, что я помолодел лет на тридцать! Вот сейчас, показалось мне, появится Римма в красном галстуке, встанет рядом - и они запоют!

- Голова такая же круглая, - согласился я. - Только с волосами и без очков. А Дирдом говорил, что его лицо нам не подходит. Он считает наши дневники нашими лицами!

- Пушкин тоже не мог овладеть математикой, - сказал Виктор Макарович. И что же,

если бы Пушкин поступал к нам в литературный кружок...

- Дирдом бы его не принял! Потому что его лицо могло бы испортить лицо Дома культуры...

- И мое лицо может испортить. А верней, мои ноги, - с печальной улыбкой сказал Виктор Макарович. - Поэтому я сегодня дирижировал вашим хором последний раз.

Виктор Макарович умел показывать фокусы и любил розыгрыши... Я посмотрел на него с недоверием.

- Последний раз, - повторил он.

- Как... последний?!

- Был консилиум, - продолжал он. - Это - грозный совет-докторов! И самое страшное, когда он выносит решение единогласно. Неизлечимая болезнь ног...

- Отчего это?

- Говорят, от курения. Но я никогда не курил. Говорят, от неподвижного образа жизни. Но я всю жизнь двигался.

А теперь... Долго ходить нельзя, долго стоять нельзя. Дирижировать можно сидя...

- Ну и что же? - воскликнул я. - Ну и что же?! Это будет отличать вас от всех остальных. Вы сидите, а они перед вами стоят! Учитель, когда разговаривает с учеником, тоже сидит, а ученик перед ним стоит.

- Но Дирдом считает, что сидячий дирижер пионерского хора - это для его Дома культуры не подойдет. И думаю, в данном случае можно с ним согласиться. Я и так невысок... А если сяду на стул, меня и вовсе не будет видно.

Так что приходи теперь ко мне домой... Времени будет много - в шахматки сыграем.

- Но ведь вы можете выздороветь!

- Добрый мой мальчик... - сказал Виктор Макарович.

- Ведь есть же какие-то средства?!

- Меньше стоять, не перегружать свои ноги... Перехожу на "сидячие игры". Пора уже: я ведь вошел в пенсионный возраст.

"Вбежал!" - захотелось мне поправить его. Потому что он всегда очень стремительно двигался.

- Как же... теперь? - спросил я.

- Будете "под управлением" Маргариты Васильевны.

Она вас знает то любит.

- Маргариты Васильевны?! Но ведь она тоже... немолодая.

- Разве это заметно? - медленно и с удивлением спросил он. Я ничего не ответил. - Пусть она, как дирижер, проявит себя прямо на следующем отчетном концерте! В присутствии общественности и ваших родителей. Чтоб они были спокойны.

- Через неделю?

- А что же тянуть?

"Нет! Лучше он - сидящий, чем она - стоящая!" - твердо решил я в ту минуту.

Мои родители были потрясены этой новостью не меньше, чем я.

- Он не должен уйти: он же талант! - тихо воскликнул папа.

- Неужели ничего нельзя придумать? - сказала мама.

И выпрямилась.

Когда она произносит эту фразу, мы с отцом сразу начинаем верить, что выход найдется. Безвыходных ситуаций мама не признает.

- Я буду думать... - произнесла она.

- Очень прошу тебя, - сказал я.

- Надо доказать, что без него ваш хор петь не сможет! - решительно заявила мама.

Эта фраза натолкнула меня на неожиданную и смелую мысль.

"Да, мы докажем, что без него петь невозможно! - решил я. - Пусть мама ищет свой выход из положения. Но и я не буду сидеть сложа руки!"

План, который родился у меня в голове, я открыл участникам средней группы нашего

хора. Средней группа была не по качеству, а по возрасту: в нее входили ребята, которые учились в четвертых, пятых и шестых классах. С представителями этого возраста договориться мне было легче всего.

Младшие могли мой план не понять, а старшие - не принять.

Средняя группа, как я и предполагал, поняла меня сразу!

Хотя план был рискованный и опасный...

Мама как-то сказала, что ребята в моем возрасте очень смелы, потому что у них нет опыта и они еще не успели набить себе шишек. Мама очень хочет, чтобы я учитывал ее опыт, ее ошибки. Но я все больше убеждаюсь в том, что на ее шишках мне трудно будет чему-нибудь научиться. "И вообще, рассуждал я, - не очень-то получится благородно, если один будет набивать себе синяки, а другой на этих синяках... на чужом, значит, горе будет учиться!"

И вот наступило то самое воскресенье.

Взрослые собрались в фойе Дома культуры задолго до начала концерта... Родители и родственники наших хористов были очень возбуждены. Некоторые мамы целовались и неизвестно с чем поздравляли друг друга.

Пришли и бывшие участники нашего хора. Среди них, как успел сообщить Дирдом, были и такие, которые очень многого в жизни достигли! Ну, например, заслуженный артист республики, о котором однажды упоминал Виктор Макарович... Фамилия его была Наливин. Эту фамилию знали все в нашем городе. И поэтому, когда Дирдом привел Наливина за кулисы, все очень переполошились.

Только Маргарита Васильевна встретила Наливина хмуро. Он торжественно, раскинув руки, поплыл ей навстречу.

Но она увернулась, еле слышно пробормотав:

- Здравствуйте, Женя.

И после этого внятно произнесла:

- Уже был первый звонок!

Она, должно быть, боялась, что Наливин отвлечет нас от предстоящего выступления. "Хочет проявить себя!" - подумал л о Маргарите Васильевне.

Наливин был высоким и толстым. И было странно, что от его огромного тела отрывался и как бы журчал в воздухе тонкий женский голос. Когда он первый раз открыл рот, я даже вздрогнул и огляделся: мне показалось, что говорил кто-то другой.

- А где же наш бесценный Виктор Макарович? - спросил Наливин. И развел руки в стороны, готовясь обнять его.

- Он, вероятно, в зале, - скороговоркой сообщил Дирдом. - Сегодня будет дирижировать Маргарита Васильевна.

- Значит, мы с ним в антракте увидимся? - зажурчал голос Наливина. Боюсь только, он опять будет журить меня, как в те невозвратные годы... Певец обмерил взглядом свою фигуру. - Молодых влюбленных мне играть уже трудно: за кресло не спрячешься, с балкона не прыгнешь!

Он снова обмерил себя осуждающим взглядом.

Я заметил, что есть люди, которые в шутку торопятся сказать о своих недостатках, опасаясь, что другие сделают это всерьез.

Наливин обращался сразу ко всему нашему хору. Он делал это очень легко: привык, наверно, делиться своими переживаниями с огромным залом театра оперы и балета!

- Напоминаю: уже был второй звонок! - деловито проходя мимо, произнесла Маргарита Васильевна.

- Но третий мы можем и оттянуть. Всё - в нашей власти! - ответил ей вдогонку Дирдом.

- Ни в коем случае!.. - испуганно зажурчал Наливин. - Из-за меня?! Если Виктор Макарович узнает... Что же он не пришел за кулисы?

- В антракте увидите. В моем кабинете, - скороговоркой пообещал Дирдом.

Виктор Макарович сидел в девятом или десятом ряду.

Я думаю, он хотел показать всем, что хор справится с программой без всякого воздействия с его стороны.

Но я решил доказать нечто совершенно противоположное!

Я вышел на сцену и, стараясь, чтобы лицо мое было как можно более открытым и приятным, сообщил, что концерт начинается, что дирижировать будет Маргарита Васильевна.

Объявил название первой песни и фамилии ее авторов.

Маргарита Васильевна взмахнула руками и как бы дала сигнал: "На старт! Внимание... Марш!"

Младшая и старшая группы рванулись вперед. А средняя немного замешкалась на старте и вступила не вовремя.

Зато в другом месте она, будто испугавшись и стремясь наверстать упущенное, начала чуть-чуть раньше, чем полагалось...

Я наблюдал за всем этим из-за кулис. Но Маргариту Васильевну я старался не замечать, чтобы не подпустить к себе чувство жалости.

Мой план начал осуществляться!

Потом я объявил второй номер. И опять вернулся на свой наблюдательный пункт.

На этот раз все началось благополучно. Средняя группа не отставала... Хоровое многоголосье разливалось по залу.

Но когда Маргарита Васильевна дала знак к окончанию песни, средняя группа, внимательно смотревшая на нее, этого знака не заметила и продолжала тянуть... У песни как бы образовался хвост.

Когда я вернулся на свой наблюдательный пункт в третий раз, там уже был Виктор Макарович... Он опирался на палку, которую я увидел впервые, и, казалось, стал еще ниже ростом.

- Неужели я ничему не научил вас за все эти годы? - тихо спросил он.

- Вы-то нас научили! Но вот без вас...

Он перебил меня:

- В одной стране, мне рассказывали, есть такая традиция... Главного врача больницы обязательно отправляют в длительную командировку. И если без него все идет как при нем, он возвращается на прежнее место. А если хоть что-нибудь ухудшается, его переводят в рядовые врачи.

В ордршаторы... Прекрасный обычай!

- Что вы хотите сказать?

- Я должен буду публично принести извинения залу, вашим родителям... Маргарите Васильевне...

Тут уж я перебил его:

- Ни за что! Я не пущу вас!

Третья песня подходила к концу... Я знал, что средняя, группа готовила Маргарите Васильевне новый сюрприз.

- Одну минуточку!.. - сказал я Виктору Макаровичу.

И принял такую позу, чтобы средняя группа обратила на меня внимание. Но она готовилась... И на меня не глядела.

В следующее мгновение Виктор Макарович побледнел.

И еще тяжелее оперся на палку, потому что на сцене успешно продолжал воплощаться мой замысел.

Я не знал, как поступить... Но, вероятно, мама права, когда отрицает безвыходные ситуации. Я вдруг придумал!

Третья песня уже закончилась. А я на сцене не появлялся... Я быстро царапал карандашом на газетном клочке:

"Ребята! Кончайте!"

Когда я вышел на сцену, кто-то захлопал. Вероятно, нервы не выдержали долгого

ожидания. Может быть, это были мои родители?..

- Уже поступают заявки... с мест! - объявил я так громко, как никогда еще не объявлял ни одного номера. - Я передаю эту просьбу хору. Она, конечно, будет исполнена!

На последних словах я сделал особое ударение. И передал записку... Но не Маргарите Васильевне, как полагалось, а своему однокласснику Лешке, который был моим главным союзником в средней группе.

Вернувшись за кулисы, я сказал Виктору Макаровичу:

- Теперь все будет в порядке.

Не поверив мне, он стал внимательно слушать и шевелить губами: весь наш репертуар он знал наизусть. Я тоже прислушивался... Особенно к средней группе. Хотя можно было уже не волноваться: просьба друга была для Лешки законом!

- Что это значит? - спросил Виктор Макарович.

Мама просит меня не повторять в жизни ее ошибок. Я и не повторял... Я вообще не был уверен, ошибкой ли был мой план. Просто я не мог допустить, чтобы Виктор Макарович...

И шепотом все объяснил ему.

- Значит, это ты сделал? - медленно произнес он.

Мой добрый мальчик?

- Мы не хотели расставаться с вами!

В этот момент кончилась песня. Я вышел на сцену с лицом, которое, я думаю, было не таким открытым и приятным, как обычно. А когда вернулся за кулисы, Виктора Макаровича уже не было.

В антракте я помчался искать его. Но меня все время задерживали рукопожатия и похвалы. Почти все называли меня "молодцом". Но у каждого это звучало по-своему...

"Ты - молодец!" - восклицал один. "Ну, сегодня ты был молодецом!" похлопывал меня по плечу второй. "Молодецто ты молодец, но впереди еще целое отделение!" - предупреждал третий.

- Вам с Мандолиной, мне кажется, было трудней всего:

вы оба солировали, - сказал папа. - И делали это вполне талантливо.

- Только не повторяй моей ошибки: не выкладывайся до конца на первой дистанции! - предупредила мама. - Ведь именно в конце второго отделения ты будешь пересказывать содержание зарубежных песен! Прошу тебя: постарайся оттенить специфику каждой страны... - Прижав мое ухо к своим губам, мама спросила: - А что это там происходило... вначале?

- Ничего не заметил! - ответил я.

- Значит, Маргарита Васильевна была права: у тебя не все благополучно со слухом и чувством ритма.

В фойе, в буфете и в зрительном зале Виктора Макаровича я не нашел... Зато я встретил Дирдом. Он вытирал платком свою добрую круглую голову и что-то искал.

- Как бы мне позвонить... Римме? - спросил он.

- Телефон у директора!

- Простый раз я звонил оттуда. Но сейчас там...

- Автомат внизу, возле кассы! - перебил я. Потому что в эту минуту вспомнил, что Дирдом обещал Наливину встречу с Виктором Макаровичем у сефя в кабинете.

Я помчался туда.

Наливина еще не было. Виктор Макарович, Маргарита Васильевна и Дирдом стояли посреди кабинета. Мужчины нервничали, а Маргарита Васильевна только поправляла огромный пучок на затылке.

- Зайди, Миша, зайди, - позвал Виктор Макарович, когда я приоткрыл дверь. Кажется, впервые он не назвал меня Мишенькой.

Дирдом тоже, мне показалось, с нетерпением поджидал меня.

- Я убежден, что это безобразие вначале... произошло не случайно! сказал Дирдом. - Это была попытка сорвать наш отчет. Ничего подобного раньше, до появления вашей...

или вашего Мандолины не было! Говорят, он родную мать уложил в больницу. А теперь уложит наш хор!

- Володя тут ни при чем. Во всем виноват я...

Дирдом опять как бы . проглотил стакан рыбьего жира:

- Ты?!

Маргарита Васильевна так же неторопливо, как она приводила в порядок свои густые, красивые волосы, произнесла:

- Зачем чтобы кто-то брал на себя вину? Все было естественно: ребята не привыкли ко мне. Они волновались.

Я хотел возразить. Но Виктор Макарович удержал меня за руку.

В эту минуту из приемной донесся журчащий голос Наливина:

- Дирекция у себя?

Дирдом сразу же запил рыбий жир стаканом сладкого морса.

Прямо с порога Наливин обрушился на худенького Виктора Макаровича, накрыл его собой.

- Фотографа бы сюда! Фотографа!.. - сладким голосом воскликнул Дирдом.

Потом Наливин стал обнимать меня, потом Дирдома.

Когда с объятиями было покончено, я заметил, что мы, мужчины, остались одни: Маргарита Васильевна незаметно ушла.

- Десятилетия промчались, как миг, - разводил руками Наливин. - И вот сегодня меня вернули в невозвратную пору детства. Только уже вот такого... - Он опять окинул себя критическим взглядом, как бы опережая в этом смысле Виктора Макаровича. - Поверьте, учитель, это не на почве переедания, а от неправильного обмена веществ! За болезнь ведь не судят...

- Победителей вообще судить не положено, - сказал Виктор Макарович. - Я счастлив, что ты - знаменитый и заслуженно заслуженный!

- Но это и вами заслужено! - ответил Наливин. - Ведь это вы у меня обнаружили... - Он погладил себя по горлу. - Если б не вы!.. Вы первый услышали мою увертюру. Мою прелюдию... А сейчас уже опускается занавес.

- Ты сошел с ума! - весело воскликнул Виктор Макарович. - Карузо тоже был полным! А Джилли?

- Врачи советуют перейти на концерты. А может быть, на педагогическую работу.

- И у тебя тоже... врачи?

- Что день грядущий мне готовит? - пропел Наливин.

Дирдом зааплодировал.

- Ну, голос твой абсолютно здоров! - обрадовался Виктор Макарович.

- Увы... Извечный конфликт между формой и содержанием. Хотя у вас никакого конфликта не происходит: вы - в образцовой форме. - Он с добродушной завистью оглядел худенького Виктора Макаровича. - Общение с ними не дает вам стареть! - Наливин ткнул пальцем в мою сторону. - А мне бы сейчас петь басом! Или, в крайнем случае, баритоном... - Оглядев себя, он вновь зажурчал: - Вас, учитель, сегодня не хватало да сцене! - Дирдом стал усиленно копать в бумагах. - Кстати, где наша бестрепетная Маргарита Васильевна? - Наливин оглядел кабинет.

- Она не виновата, - твердо сказал я. Виктор Макарович опять удержал меня за руку.

- Я всегда восхищался, учитель, что вы столько лет...

среди этого бушующего океана! - Наливин указал на меня. - Я бы и дня не выдержал.

- Как же ты собираешься переходить на педагогическую работу?

- Буду учить вокалу. Только вокалу... А ваше призвание - весь и х мир! - Наливин опять ткнул в меня пухлым пальцем.

Дирдом совсем зарылся в бумаги. "Есть люди, которые воспринимают чужой успех, как большое личное горе!" - как-то сказала мама. Не знаю, был ли Дирдом таким челоком, но авторитет и успехи Виктора Макаровича его раздражали. Я давно уж заметил.

- И вдруг сегодня вы покинули пост, - продолжал Наливин. - Почему?

- Ноги, Женечка... Все тот же неправильный обмен, который производит время, - здоровья на нездоровье. И мне тоже придется поискать новое место в жизни.

- Оно только здесь, в этом Доме! - уверенно заявил Наливин. - Среди них! - В который уж раз он ткнул в меня пальцем. - Без вас Дом культуры утратит первое слово в своем имени: он перестанет быть домом. По крайней мере, для них!

Тут я захолопал.

- Маргарита Васильевна по образованию дирижер. И педагог по призванию, - четко проговорил Виктор Макарович. - Я в какой-то степени преграждал ей путь... Теперь она быстро найдет с ними общий язык! - Он тоже указал на меня.

Я напоминал самому себе экспонат, который принесли на урок или на лекцию.

- У нее есть этот талант, - уверенно закончил Виктор Макарович.

- А у меня нет! - признался Наливин. - Но она не будет играть с ними в чехарду, показывать фокусы... Помните, как я через вас перепрыгивал?

б

Часа через полтора мы с Виктором Макаровичем, как всегда не торопясь, возвращались домой.

Мои родители не сочли возможным разлучить нас в такой вечер и ушли после концерта с Димулей и Мандолиной.

- Мы хотели, чтобы все осталось, как прежде, - объяснял я по дороге Виктору Макаровичу. - Чтобы вы остались главным дирижером - сидящим или стоящим... Мы только этого и хотели!

- Во-первых, есть средства, которые могут убить благородную цель... медленно произнес Виктор Макарович. - Это ты запомни на всю свою жизнь. Чтобы когда-нибудь тебе не сказали, что "благими намерениями дорога в ад вымощена". А во-вторых... - он так понизил голос, что я еле расслышал: Во-вторых, я любил Маргариту Васильевну.

- Ее?! - Я остановился от неожиданности. - Наверно, давным-давно? Когда вы еще молодым были?

- Неважно, когда это было. Важно, что было.

- И прошло?

- Прошло - не значит кануло, Мишенька. Это, во-первых. А во-вторых... Что-то я сегодня все раскладываю по полочкам? Видимо, потому, что ты задаешь слишком много вопросов.

- Почему же вы на ней не женились?

- Это сделали до меня.

- А она... вас?..

- Она любила со мной работать. И, если говорить словами Дирдома, не думала о своем собственном творческом лице. Теперь наконец... Это в какой-то степени было моим долгом.

- Может быть, вы уходите из-за этого?!

- Из-за "неправильного обмена"... Но нет худа без добра, как говорят. Пойми: она была в моей жизни целой эпохой. Ты скажешь: прошлой эпохой. Но прошлое и забытое - разные вещи. Вообще помнить всегда лучше, чем забывать, Мишенька. Плохое иногда еще можно вычеркнуть. Но хорошее... - Он помолчал, потер ногу. - Тот, кто не помнит вчерашнего, тот и сегодняшнее забудет... А на самом деле, позавчера и послезавтра в жизни неразделимы!

Виктор Макарович заметно устал. Но, мне показалось, не оттого, что у него были больные ноги, а от своих мыслей.

Мы с ним присели.

- Если из книги, Мишенька, выбрасывать прочитанные страницы и главы, вся книга рассыпется. Впрочем, вернемся к Дому культуры... - сказал он. А сам вернулся к Маргарите Васильевне. - Сколько черновой работы она брала на себя!

А лавры в основном доставались хору и мне. Говорят, что в один из самых страшных кругов ада... того самого, дорога к которому вымощена твоими рухнувшими намерениями,

попадают "предатели благодетелей". То есть люди, не помнящие добра... Не будем принадлежать к их числу, Мишенька!

- Не будем!.. Я вот вас никогда не забуду!

- Спасибо тебе... Память может продлить человеческую жизнь. Ты понимаешь? Даже угасающую или давно угасшую...

Мы помолчали. Потом я сказал:

- А моя мама помнит все даты в жизни наших родственников и знакомых. И всех поздравляет. Я даже смеюсь над ней.

- А что тут смешного?

- Всё и всех помнить?.. Это надо иметь такой склад! - Я постучал пальцем по голове.

- Память - не склад и не хранилище, - возразил Виктор Макарович. - Это - святилище...

Прости за громкое слово.

Мы еще помолчали.

- Хорошо, что Дирдом ничего об э т о м не знает, - сказал я. - А то бы он не назначил Маргариту Васильевну дирижером... с таким удовольствием.

- Может быть.

- А детей у вас никогда не было? - спросил я.

- Я всю жизнь был таким многодетным отцом в нашем Доме культуры, что построить свой собственный дом... не успел как-то... А Маргарита Васильевна заплакала, когда узнала, что я должен уйти.

- Заплакала? Она?! Не представляю себе.

- Тем дороже для меня это событие!

Мы поднялись со скамейки и пошли дальше.

- Но вот кто мне поможет отыскать... как говорится, новое место в жизни? - ни к кому не обращаясь, сказал Виктор Макарович.

...Как раз одна из замечательных особенностей моей мамы состоит в умении отыскивать то, чего другие найти уже не надеются: достать какое-нибудь редчайшее лекарство, или принести друзьям книгу, изданную лет сорок назад, или разыскать боярские костюмы для самодеятельного спектакля, хотя спектакли про бояр в городе вообще никогда не шли. Она может починить пробки вечером, когда уже все приготовились сидеть в темноте, потому что у монтера рабочий день кончился.

- Я нашла выход из положения! - через несколько дней сообщила мама.

Мы с папой притихли.

- Я вспомнила, что в Доме культуры "Горизонт" был детский ансамбль. В него входили и хор, и хореографическая труппа, и струнный оркестр. А в ансамбле кроме дирижеров, балетмейстеров и прочих был еще и художественный руководитель. Он все объединял. Вы помните?

Мы с папой не помнили этого, потому что мама увлекалась в ту пору драматическим кружком и никакие другие самодеятельные коллективы нас тогда не интересовали. Альбом "Мама в ролях" относился как раз к тому времени.

- Так вот... мы с Лукьяновым придумали, как учредить эту должность в нашем Доме культуры! Дирдом уже знает...

Потому что должен подготовить кое-какие бумаги. Я и имя ансамблю придумала: "Взвейтесь кострами!.." Лукьянов одобрил. Конечно, не в имени дело. Надо пробить штатную единицу! Я объяснила Лукьянову, что это нужно "для дела".

Он быстро изучил вопрос и сказал, что "практически это возможно". Художественный руководитель ансамбля "Взвейтесь кострами!.." Звучит, а? Ну-ка, Миша, выйди и объяви!

Я вышел на середину комнаты, сделал свое лицо открытым и приятным и произнес:

- Начинаем концерт ансамбля "Взвейтесь кострами!.."

Художественный руководитель - Виктор Макарович Караваев! Дирижер Маргарита Васильевна... Я не помню ее фамилию.

- Все равно прозвучало очень красиво, - сказала мама. - Да, Лукьянов у нас - голова!

Сразу вошел в контакт с профсоюзами. Все поставил на деловую основу. Я думаю, дней через пятнадцать наш проект осуществится.

- Я был уверен, что мама отыщет выход, - сказал отец. - Если надо помочь, для нее не существует непреодолимых джунглей и лабиринтов!

Когда маме удастся в очередной раз "починить пробки"

(так у нас дома называются все мамины действия, связанные с починкой, помощью и розысками), отец всегда выглядит именинником. Он бывает счастлив и оттого, что мама что-то исправила, кому-то помогла, но главным образом, мне кажется, оттого, что мама опять проявила себя одаренной натурой, чем он так гордится.

- Только не повторяй моей обычной ошибки: не рассказывай об этом Виктору Макаровичу раньше времени, - продолжала мама. - Ты знаешь, что я суеверна!

- А мне кажется, надо ему сказать, - возразил папа. - Пусть знает, что кто-то волнуется за него, хлопочет... Сам этот факт будет ему приятен. Для него важны не только результаты наших усилий, но и наши намерения. Он понимает, что результаты могут от нас не зависеть...

- Говорят, благими намерениями дорога в ад вымощена! - сказал я.

- Это когда благие намерения осуществляются не благими средствами, ответил отец.

- Как раз это и было...

- Когда? - удивился отец.

Я не ответил на его вопрос. Вместо этого я воскликнул:

- Сейчас же надо сообщить Виктору Макаровичу! Чтобы он не страдал ни одного лишнего часа. Мама с Лукьяновым своего добьются. Я абсолютноуверен!

- И я, - сказал папа.

Виктора Макаровича дома не оказалось. К двери была приколотая записка: "Я у Димуль". Значит, он ждал кого-то...

Не кого-то, а только меня! Потому что только я знал, что Димулю зовут Димулей.

Я ринулся обратно к своему дому. Ведь Димуля, Римма и Мандолина жили в соседнем подъезде.

Дверь мне открыл Володька.

Он не упал в обморок от радости, что увидел меня. Он посмотрел так, будто я приходил к нему каждый день в это самое время. У меня же вид был, наверно, такой торжественный, я так горел нетерпением поскорей рассказать всем мамину новость, что Володька спросил:

- Что с тобой?

- Ничего... Сейчас узнаешь!

- Проходи, - сказал он. - Есть хочешь?

И пошел на кухню.

- Куда ты?! - воскликнул я. - Сначала послушай...

- Подожди немного. У меня пригорит...

Мандолина был хозяйственным парнем.

Перед первым отчетным концертом он очень волновался, конечно, но все же заметил, что у Лешки из средней группы на куртке оторвана пуговица.

- Хочешь, пришью? - спросил он.

- А нитки с иголкой?

- Найдутся.

Оказалось, что у Маргариты Васильевны действительно есть и то и другое.

- А пуговица? - спросил Лешка.

- От заднего кармана брюк оторвем. Там никто не увидит.

Он оторвал и пришил.

Когда я сообщил об этом маме, она сказала:

- Значит, в будущей своей семье он будет играть те же две роли, которые я исполняю в нашей.

- Какие две? - спросил я.

- Мужчины и женщины!

Володька не любил восклицаний и суеты. Когда в день концерта его вызвали на "бис", он вышел так, будто ребята из нашей школы не надрывались и не выходили из себя от восторга. Казалось, он был наедине со своей мандолиной.

Сел, снова склонился над ней, как над ребенком, и во второй раз заиграл "Дунайские волны".

Я, конечно, не сказал ему о том, что наша школа выполняла данное мне обещание. Он бы этого не простил...

Мне хотелось, чтобы в момент, когда я буду объявлять свою новость, все были в сборе. Поэтому я подождал в коридоре, пока Володька не появился с огромной кастрюлей в руках.

- Будем есть суп, - сказал он. - Есть хочешь?

- Сейчас вам будет не до еды. Не до супа! - сказал я. - Вот если бы было шампанское!..

Володька взглянул на меня с недоумением.

- Потерпи! Сейчас узнаешь! - сказал я. Хотя знал, что Мандолина был очень терпелив и мог ждать сколько угодно.

Мы вошли в комнату... Виктор Макарович и Димуля на диване играли в шахматы.

- Мишенька! - воскликнул Виктор Макарович. - Как раз я выигрываю.

- Хоть бы раз мне удалось не проиграть... - с досадой, поглаживая свою круглую голову, сказал Димуля.

- Сегодня мы все победили! - сказал я.

- Кого? - спросил Виктор Макарович.

- И ваш консилиум... И Дирдома!

- Что ты имеешь в виду?

- Будет создан ансамбль "Взвейтесь кострами!..". А у ансамбля будет художественный руководитель. Догадайтесь кто? На фотографии мы видим сейчас его спину! - Все уставились на фотографию. А я продолжал: Художественный руководитель не должен сидеть и не должен стоять - он должен только руководить!

Володька поставил кастрюлю на стол так тяжело, что я понял: моя новость произвела на него впечатление.

- Осталось только выбить штатную единицу. Ее выбивают Лукьянов и моя мама. Так что можно не сомневаться!

Все молчали.

- А Маргарита Васильевна будет дирижировать... - сказал я.

И тут понял, что поговорка "Как гора с плеч" очень точная. Виктор Макарович встал, распрямился.

- Если так... - сказал он. - Если так...

И заходил по комнате. А я ходил за ним и объяснял, что если Лукьянов и мама за что-нибудь берутся, можно быть абсолютно спокойным.

- Как это хорошо! Как хорошо!.. - повторял Димуля. - Значит, и Володя останется... А то директор говорит: "Когда исправишь тройки по математике, тогда и будешь играть..."

А если он их никогда не исправит?

- Не в этом дело, - пробурчал Мандолина.

- Я твой отец... Я за тебя радуюсь... Надо Римме позвонить. Рассказать...

Он поднялся с дивана.

- Суп остынет, - остановил его Мандолина.

- Хозяйственный он у тебя! - похвалил Виктор Макарович. Ему хотелось говорить людям приятно.

- Если быть объективным... - начал Димуля.

Володька сразу вспомнил, что ему что-то нужно на кухне. И вышел.

- Очень заботливый! - повторил Виктор Макарович.

- Мать часто в больнице. Так что приходится...

- А вот пусть Римма... - начал я. И приостановился.

- Григорьевна, - подсказал мне Димуля.

- Пусть Римма Григорьевна расскажет этому вашему соседу... Сама пусть расскажет! Тогда все во дворе...

- Она говорила. А он в ответ: "Что же еще мать может сказать о своем сыне!" Даже вспомнил какую-то старую притчу. В ней сын, стараясь доказать одной жестокой девчонке свою любовь, вырывает у матери из груди сердце.

Бежит с ним, спотыкается, падает... А сердце спрашивает:

"Мой сын, не больно ли тебе?"

- До чего же люди иногда умеют видеть в других только то, что хотят видеть! - сказал Виктор Макарович. - И статьи тянут себе на помощь и старые притчи...

- Я думаю, они просто не любят музыку. Мандолина их раздражает... Не Володька, а инструмент, - застенчиво согласился Димуля.

Он махнул рукой и ушел в коридор звонить по телефону.

Володька тут же вернулся. И разлил суп по тарелкам.

Когда человек волнуется, у него нет аппетита... Мандолине было неудобно напомнить, что суп стынет. А мы с Виктором Макаровичем стояли и смотрели на фотографию, на которой Дима и Римма пели.

- Почти для всех них это было вроде игры... - неожиданно сказал Виктор Макарович. - Но я всегда думал: человек, который любит песни, не может быть злым человеком.

Это для меня было главным... Давайте-ка и мы устроим игру! Поскольку все хорошо, что хорошо кончается. Вот сейчас Димуля вернется, и тогда...

Димуля вернулся и сказал, что дежурная медсестра уже направилась к Римме в палату с радостным сообщением.

- Я предлагаю устроить концерт, - сказал Виктор Макарович. - И чтобы каждый исполнял привычную для себя роль. Ты, Мишенька, объявишь. Я буду дирижировать, Димуля по старой памяти будет петь, а Володя - играть на мандолине... - Он обратился к Володьке и его отцу: - Вы ведь наверняка исполняли что-нибудь вместе?

- Было... - сознался Димуля. - Мы с Риммочкой в два голоса, а Володя аккомпанировал. Но так... для себя.

- Что же вы пели?

- Вспоминали репертуар нашего хора. Ну, вот гурилевский "Колокольчик", к примеру...

- Прекрасно! Володя, бери мандолину! - Володька взял. - Мишенька, на авансцену!

Второй раз в этот день мне предлагали вести себя дома как на концерте.

"Доставлять радость одному человеку или целому залу - большой разницы нет. Была бы, Мишенька, радость... - объяснил мне как-то Виктор Макарович. - Настоящий артист никогда не откажется выступать из-за того, что нет полного сбора. Даже если пришло всего несколько зрителей, он выйдет на сцену. Они же не виноваты!"

Передо мной были три зрителя и одновременно - три участника. Я сделал свое лицо еще более приятным и открытым, чем это было сегодня дома. И объявил:

- Композитор Гурилев... "Колокольчик"!

Виктор Макарович по-настоящему, как на концерте, взмахнул руками. Володька склонился над мандолиной и стал баюкать ее.

Димуля запел застенчивым, нежным голосом:

Однозвучно гремит колокольчик,

И дорога пылится слегка...

Я переводил взгляд с фотографии на Димулю. Я люблю с помощью фотографий наблюдать, как с годами меняются лица людей. Но выражение лиц с годами почти не меняется.

По крайней мере у Димули характер остался тот же...

7

После того, как мне стало ясно, что Виктор Макарович никуда не уйдет, я полюбил Маргариту Васильевну. А она, мне кажется, полюбила меня. Потому что знала, что это моя

мама вспомнила про Дом культуры "Горизонт", где был детский ансамбль и художественный руководитель.

Раньше я не очень хорошо представлял себе, как Маргарита Васильевна разговаривает на обычные человеческие темы. В моем присутствии она произносила лишь те фразы, которые имели непосредственное отношение к репетициям или концертам: "Мы можем начинать, Виктор Макарович?", "Ты, Миша, произносишь фамилию Мусоргский так, будто это твой товарищ по школе. Никакого благоговения... С гениями так обращаться нельзя!"

И вдруг она изредка начала улыбаться, чего я раньше почти никогда не видел. А один раз даже потрепала меня за волосы. Я наклонил голову, чтобы ей удобнее было трепать.

Такое я получал удовольствие!

- А ловко ты это придумал - сорвать мой дебют! - сказала она. - Значит, ты любишь Виктора Макаровича?

- Мы все его любим, - ответил я и пристально на нее посмотрел. - А? Разве не так?..

Но она опять стала, как говорится, непроницаемой.

...В тот день у нас была репетиция концерта "Перелистаем страницы опер...". Эту программу придумала Маргарита Васильевна. Наши ребята становились то крепостными девушками из "Евгения Онегина", то охотниками из оперы "Волшебный стрелок", то свитой грузинского князя из "Демона", то казаками из "Тихого Дона"...

Все эти песни наш хор исполнял и раньше, при Викторе Макаровиче. Но Маргарита Васильевна объединила их все в отдельную программу. И сочинила пояснительный текст, который я должен был произносить.

Маргарита Васильевна объясняла нам, что нет, по ее мнению, профессии "певец", а есть профессия "артист".

Только артист обладает даром перевоплощения, которым все участники нашего хора обязательно должны обладать.

- Бывают не артисты, а исполнители арий. Вы не должны брать с них пример, - убеждала нас Маргарита Васильевна.

С тех пор, как Виктор Макарович ушел из хора, она все время ссылалась на него, цитировала то, что он говорил тридцать лет назад, и двадцать лет назад, и совсем недавно.

- Представьте себе, что нас слушает Виктор Макарович! - восклицала она.

Ребята представляли себе это, и Маргарита Васильевна хвалила их:

- Вот так... Совсем другое дело. Вы чувствуете?

"Должно быть, раньше она просто не хотела отвлекать наше внимание от Виктора Макаровича, - думал я. - И поэтому вела себя незаметно. Выходит, он действительно чуть-чуть преграждал ей дорогу?"

Особое внимание Маргарита Васильевна уделяла средней группе. Она даже высказала мнение, что Лешка может иногда запевать.

- Вот видишь, - сказал я Лешке. - Как хорошо, что вы не вовремя вступали на отчетном концерте!..

- Сознаться, что ли? - ответил мне Лешка.

- Я уже сознался. Так что запевай абсолютно спокойно!

У нас с Маргаритой Васильевной было хорошее настроение: мы ждали художественного руководителя.

Маргарита Васильевна требовала, чтобы программа на репетиции выглядела точно так же, как на концерте. Поэтому я выходил на авансцену, объявлял номера и произносил пояснительный текст.

Когда я объявил "Ноченьку" из оперы Рубинштейна "Демоц" и сказал все, что нужно было, о поэме Лермонтова, которая "легла в основу", в Малом зале появился Дирдом.

- Я пришел, чтобы сообщить вам наимприятнейшее известие! - начал он. Испугался, что мы не поняли, и пояснил: - Если перефразировать реплику городничего из комедии "Ревизор". - Потом он гордо оглядел нас всех: Только что я подписал приказ о создании ансамбля "Взвейтесь кострами!..". Он органично включит в себя вас, всю нашу хореографию

и оркестр.

- Ура! - крикнул я. Меня поддержала средняя группа.
- Вы на репетиции, - произнесла Маргарита Васильевна, взглянув на меня.
- Продолжайте работать, - сказал Дирдом. И удалился.
- Маргарита Васильевна, разрешите мне выйти, - сказал я.
- Но ведь репетиция не окончена.
- Я должен выйти. Простите, пожалуйста...

Она сделала вид, что очень удивлена.

Я вышел из Малого зала и помчался по коридору. Внизу, возле кассы, был автомат... Я должен был сообщить Виктору Макаровичу о том, что мы победили!

Пробегая мимо доски приказов, я притормозил, остановился...

В центре доски висел новенький приказ по -Дому культуры. Он сообщал о том, что создается пионерский ансамбль "Взвейтесь кострами!..". А во втором пункте было написано:

"Художественным руководителем утвердить Евгения Аркадьевича Наливина, заслуженного артиста республики".

- Ты что, уснул? - спросила меня уборщица, подметавшая коридор.

Я десятый или двадцатый раз перечитывал второй пункт приказа. Нельзя сказать, что я не верил своим глазам... Я не верил тому, что это кто-то мог написать, кто-то напечатать на машинке и вывесить в коридоре.

"Как же так? - спрашивал я себя. - Как же так?!"

Я без разрешения вошел в кабинет. Дирдом разглядывал афиши, висевшие на стене.

- Художественным руководителем должен был быть Виктор Макарович... сказал я. - Это ведь было решено!

- Кем решено? - спокойно спросил Дирдом.

- Об этом все знали. И мама и я...

- Вы с мамой? - рассмеялся Дирдом. - Вы назначили художественного руководителя?

Исходя из чего?..

- Виктор Макарович всю свою жизнь... Он сорок лет...

- Стаж работы - это еще не все, - ответил Дирдом. - Исходить надо из интересов Дома культуры. Заслуженный артист, всему городу известный певец, приходит к детям!

Руководит нашим ансамблем!.. Неужели ты не понимаешь, как это прекрасно? Для афиши, для лица нашего Дома, для зрителей...

- Это невозможно, - сказал я.
- То есть как... невозможно? В коридоре висит приказ.
- А Наливин? Неужели он согласился?!
- Я ему объяснил. И он понял. В отличие от тебя...

Искусство - жестокая вещь.

- Это вы - жестокая вещь! - сказал я.

Дирдом испугался. Наверно, у меня было такое лицо...

Он ничего не ответил, не выгнал меня из комнаты.

- Но ведь Наливин сказал, что не хочет работать с детьми. Я сам слышал...
- Он пошутил. Кто же не любит детей? Ты пойми... Виктор Макарович - это пройденный этап. Будущее - за Наливиным!

- Потому что он - заслуженный?..

- Заслуженно заслуженный! Как сказал Виктор Макарович, которого я уважаю не меньше, чем ты. К тому же и молодой! Или, как говорят, перспективный. На таком имени наш "костер" взвьется гораздо выше и ярче.

Очень довольный последней фразой, Дирдом как бы опять проглотил стакан сладкого морса и заулыбался.

- Но Наливин собирался идти туда, где учат... вокалу.

Я сам слышал.

- На наше счастье, там не оказалось вакантного места!

- А Лукьянов?

- Откуда ты знаешь Лукьянова? - Дирдом внимательно взглянул на меня.

- И он согласился?

- Он всегда исходит из интересов дела. А откуда ты его знаешь?

Мне казалось, что ждать нельзя, что дорога каждая минута. Как будто речь шла о спасении тяжелобольного. "Надо разыскать маму и папу! Немедленно!.." - решил я. И выбежал из кабинета.

Бухгалтерия находилась на втором этаже управления строительства, а отец работал на третьем. Но я не только поэтому решил сперва побежать к маме. Престо я знал, что она-то уж не растеряется и найдет выход из положения.

И потом... в трудные минуты мама всегда умеет взять себя в руки. "Собраться", как говорит отец.

"Этого не может быть! - рассуждал я сам с собой по дороге. - Мама придумала все это ради того, чтобы Виктор Макарович... не уходил, не расставался с нами. Разве сможет Наливин?.. Но он согласился! А Виктор Макарович обнаружил у него голос... Наливин сам говорил. Называл учителем... Он, должно быть, не знает, что в ад попадают "предатели благодетелей". Люди, не помнящие добра... Но не в этом дело! Надо исправить... Пока Виктор Макарович не узнал!"

Нужен был пропуск. Я стал звонить снизу... Но телефон бухгалтерии, конечно, был занят.

И вдруг я увидел маму. Она шла как ни в чем не бывало, держа в руках пачку бумаг.

- Что случилось? - спросила она, заранее беря себя в руки.

- Вывесили приказ! Его Дирдом написал... Художественным руководителем будет Наливин!

- Что? Что?!

- Наливин... Он согласился! Дирдом ему объяснил, что это хорошо для афиши. А Виктора Макаровича... мы обманули.

- Не повторяй моей обычной ошибки. Не паникуй раньше времени!

На самом деле мама никогда не впадает в панику. Просто в последнее время она все чаще стала приписывать себе то, чего я, по ее мнению, не должен был делать. Маме кажется, что до меня быстрее дойдет, если я буду знать, что она испытала эти ошибки на себе самой и сама убедилась в их ужасных последствиях.

- Надо идти к Лукьянову, - сказала мама. - У него совещание. Но это неважно. Пойдем... Ты скажешь свое мнение от имени хора!

- И папу захватим.

- Он разволнуется. А впрочем...

Отец переводил взгляд с мамы на меня, будто спрашивал: "Правда ли это?.."

- А Лукьянов разве не знал? - уже вслух спросил папа. - Ты не говорила ему о Викторе Макаровиче?

- Говорила... Но не акцентировала на этом. Я знаю Лукьянова. У него свои принципы. Ставку надо было выбивать не ради определенного человека, тем более пенсионного возраста, а ради дела. Но ведь другой кандидатуры ;и не было!

- Идем к нему! - решительно заявил отец. И пошел впереди, хотя обычно в таких случаях нас за собой ведет мама.

У Лукьянова шло совещание.

- Я загляну... - сказал папа.

Секретарша как бы защитилась от него обеими руками:

- Ну, это уж на вашу ответственность!

Через минуту Лукьянов вышел в приемную.

Как я и предполагал, он был высоким, стремительным.

Лицо его было не просто приятным и открытым, как у меня на концертах, но еще и красивым. И загорелым.

- Что такое? - не здороваясь, спросил он.

- Надо вам рассказать... - начала мама.

- Это срочно?

- Да! - сказал я.

Он взглянул на меня с удивлением, но даже не спросил, кто я такой.

- Давайте!

Он распахнул дверь, которая была напротив его кабинета.

- В чем дело?

- Речь идет о художественном руководителе ансамбля, - сказала мама. , Этот вопрос решен положительно.

- В том-то и дело, что нет!

- Как нет? Единица утверждена.

- Но персональное назначение... неверное, - продолжала мама. Утвержден не Виктор Макарович, а другой человек.

- Ну, в такие детали я вникать не могу...

Тут произошло неожиданное: папа повысил голос.

- Нет, вы прекрасно знаете, что любой проект, любая машина состоят из деталей. И вы постоянно вникаете... Но и художественное произведение, и человеческая жизнь - все, все состоит из деталей!

- Директор Дома сообщил мне вчера, что Виктор Макарович сам решил отдохнуть. Что ему врачи запретили...

- Дебет с кредитом явно не сходятся! Он обманул вас, - сказала мама.

Отец передвинул письменный прибор на столе:

- Тот же самый директор Дома сказал, что Виктор Макарович - уже "пройденный этап". Это ваше любимое выражение. Но человек не может быть пройденным этапом! - Отец решительно вернул письменный прибор на прежнее место. - И вообще я должен сказать... Что значит "пройденный этап"? Наша с вами жизнь покоится на "пройденных этапах". Как на фундаменте! Не надо быть строителем, чтобы знать, что без фундамента здание рухнет.

Недавно я слышал что-то очень похожее. Но Виктор Макарович говорил о книге, а отец о фундаменте. Потому что был инженером.

Лукьянов папу не узнавал.

- А я держал вас за чересчур деликатного человека. Это мне нравится!

Отца многие считают чересчур деликатным.

"Ты немного недопонимаешь", - говорит мне папа в тех случаях, когда я вообще ничего не понимаю. Например, когда он помогает мне решать математические задачки. "Вот видишь, как у тебя все получилось!" - говорит он. А на самом деле все получилось не у меня, а у него. "Это не совсем так", - говорит папа, когда что-нибудь совсем уж не так.

Он умеет подсказать, вроде бы не подсказывая. Так бывает и с моими задачками, и с звонками Лукьянова.

- Вот видите, как вы отлично придумали! - говорит он Лукьянову по телефону.

- Это же ты придумал, - возражает мама, когда папа вешает трубку.

- Он и без меня все это знал.

- Знал бы, так не звонил!..

И возражает папа людям так, что, кажется, он просто дополняет их собственные мысли.

А тут он почти кричал. И на кого? На Лукьянова!..

- Разве можно не ценить людей, которые уже сыграли свою роль, выполнили, так сказать, свою функцию? - продолжал папа. - Так, простите, и мать с отцом недолго вычеркнуть из памяти. Они ведь тоже выполнили свои функции: родили нас, подняли на ноги. Оглянуться назад - вовсе не значит отступить! - Лукьянов продолжал не узнавать его. - А Виктор Макарович мог бы еще долгие годы исполнять свою роль. Назвать его "пройденным этапом"?!

- Это не я назвал, а директор Дома культуры.

Лукьянов оправдывался перед отцом.

- Виктора Макаровича я давно знаю, - сказал он, - очень давно! Я пел у него в хоре.

- Вы... пели? - переспросила мама.

- Недолго. Певцом я не стал. Так что практически это не имело значения.

- Это не могло не иметь значения, - сказал папа. - Не надо делать вид, что мы появились на свет такими же, какие мы с вами сейчас. Все имело значение! Мы часто слышим:

"Никто не забыт и ничто не забыто!" Разве это должно относиться только к военным подвигам? По-моему, ко всему доброму, что делают люди... Я это давно вам хотел сказать.

- Вот и сказали, - ответил Лукьянов.

- Но как же, если вы пели... можно было не позвонить Виктору Макаровичу? Не проверить?.. - спросил отец.

- Вы знаете, какие сейчас напряженные дни! - ответил Лукьянов. - У меня на календаре... там, в кабинете, записано: "Позвонить Караваеву". Хотел узнать о здоровье. В таком вот плане. Потому что директор Дома меня заверил... - Лукьянов зашагал по комнате. - Давно я не видел Виктора Макаровича. Должно быть, лет двадцать. В Дом культуры хожу главным образом на собрания. Времени нет. К сожалению... - Лукьянов остановился. - А он-то что же не мог о себе напомнить?

- Неудобно, наверно... напоминать, - сказала мама.

- У меня тоже одна голова! И в ней иногда не хватает места...

- Сердце в этом смысле гораздо вместительней, - уверенно сказал папа.

- да, понимаю. - Лукьянов сел за стол, на котором стояли целых три телефона. Он уже не был таким напряженным, стремительным. И хотя в кабинете у него шло совещание, он как будто не торопился. - Нехорошо получилось...

- Дирдом во всем виноват! - сказал я.

- Кто?

- Директор...

- Дирдом? - Лукьянов громко захохотал. - Это мне нравится! Очень подходит... Я думаю, еще не поздно переиграть!

Лукьянов нажал на кнопку. Вошла секретарша, и он сказал, чтобы она соединила его с Дирдомом.

Я думал, что Лукьянов будет кричать на Дирдома, стучать по столу. Но он не кричал.

Не поздоровавшись, он тихо и четко произнес:

- Вы ввели меня в заблуждение. Виктор Макарович мог остаться! - Дирдом что-то ответил. - Консилиум? - Дирдом опять что-то сказал. - Сейчас у меня нет времени. Потом я вникну во все детали. А пока отмените приказ... То есть как поздно?

Дирдом что-то объяснял. Ничего больше не сказав ему, Лукьянов повесил трубку.

- В сегодняшней вечерней газете будет заметка: "Из театра - в самодеятельность. Заслуженный артист приходит к детям!" Или что-то в этом роде, - сообщил он. И взглянул на часы. - Уже пять... Газета печатается.

- Виктор Макарович говорил: "Я счастливый человек:

никогда не расстаюсь с детством!" Теперь, значит, придется расставаться... - сказала мама.

- Ни в коем случае! - Лукьянов поднялся. - Мы найдем другое место.

- Другого места для него быть не может, - сказала мама.

- А не вернуть ли его на прежнюю должность?

- Дирижером? Там ведь Маргарита Васильевна... - осмелился возразить я.

- Она вернется на с в о е прежнее место.

- Виктор Макарович не согласится.

- Почему?

- Я вам не могу... объяснить...

Лукьянов почему-то поверил мне.

- Надо пораскинуть мозгами! - По примеру отца он чуть не смахнул на пол письменный

дрибор. И обратился к маме: - Вы зайдите ко мне завтра по этому вопросу. - Потом обратился к отцу: - А вы зайдите сегодня. По поводу третьего цеха... Надо пораскинуть мозгами!

Он ушел к себе в кабинет, так и не поинтересовавшись, кто я такой. Может быть, он догадался?

- И все-таки я люблю его, - сказал папа. - Он - голова.

- А душа?.. - тихо спросила мама.

- И душа есть. Только ей некогда себя проявлять...

8

Когда я вечером пришел к Виктору Макаровичу, он уже все знал.

- Откуда?.. - спросил я.

- Мне позвонил Петя Лукьянов.

Своих бывших учеников он называл так же, как называл раньше, когда они были детьми.

- Но почему же вы не сказали нам, что Лукьянов пел у вас в хоре?!

- Он сам об этом никогда не вспоминал... Я думал, что эта страница биографии ему почему-либо неприятна.

- Неприятна? Ничего подобного! Просто он не стал певцом. Значит, практически это для него не имело значения!

- Он был очень способным мальчиком. Не у меня... а потом. Побеждал на математических олимпиадах. Я на него не сержусь.

- А на этого певца?

- На Женю Наливина? - Виктор Макарович помолчал. - В ошибках учеников, вероятно, и учителя виноваты.

- Ну, уж нет! - возмутился я. - Только он виноват.

Только он! И еще Дирдом...

- Хорошо, что Маргарита Васильевна дирижирует хором, - неожиданно сказал Виктор Макарович. - Она все сбережет... Я уверен.

- Сбережет! Она сбережет! - закричал я. - А с этим художественным руководством... Лукьянов сказал: "Нехорошо получилось". Он хотел все абсолютно переиграть. Но опоздал...

- Это было бы невозможно, - сказал Виктор Макарович.

- Почему?

- Ну, во-первых, Женя Наливин мой ученик. А во-вторых, победа за чужой счет... это почти поражение. - Он подошел к окну. Мне показалось, для того, чтобы скрыть от меня лицо. - Кажется, пора подводить итоги...

- Ни за что! - закричал я. - Ни за что... Лукьянов с мамой еще такое придумают! А вы пока отдохните... Вот если бы мне предложили сейчас отдохнуть, я был бы счастливейшим человеком! А помните, вы сочинили две песни? Они ведь имели огромный успех. Еще сочините!.. А мама напишет текст. Она сейчас как раз в литературном кружке!

- Добрый ты мой "объявляла", - сказал он, не отрываясь от окна.

1973 г.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)